

НАХОДКА

рассказ

«Георгий Седов» за одну навигацию должен был сделать два рейса, на каждый из которых пятнадцать лет назад требовался не один год.

Первый рейс после посещения многих островов заканчивался на острове Диком. Там корабль должен был запастись углем, принять на борт новых пассажиров, взять грузы.

Капитан Борис Ефимович вздыхал всякий раз, когда вспоминал о неизбежной стоянке в порту, о погрузке, о разговорах с начальством. Лишь выходя на мостик, он снова обретал покой.

Прищурясь, он разглядывал далекий берег очередного острова. Там свирепствовал сильный прибой. Борис Ефимович второй день упрямо выжидал. Он ни за что не соглашался рисковать кунгасами и подвергать опасности моряков.

Так и не дождались мы погоды. Отправились к соседнему архипелагу. Там погрузились и пошли обратно к негостеприимному острову.

Прибой стихал. Капитан все еще выжидал. Нетаев упрашивал, чтобы ему позволили водить катер, доставлять к берегу кунгасы.

Однако катер повел второй штурман. Волнение все еще было слишком сильным. Капитан, не отрываясь, смотрел в бинокль.

— Извозчик он, а не штурман! — закричал вдруг Борис Ефимович.

Мы с Нетаевым взяли за бинокли.

— Не так развернулся! — сердился Борис Ефимович. — Теперь кунгас повалило набок, вот волны и взлетают над ним.

Капитан побежал в радиорубку и вернулся оттуда злой.

— Все промокли до нитки, — сказал он. — Пошли греться на полярную станцию. Катер идет обратно. Ох, и встречу я его! Иван

Васильевич, — обратился он к Нетаеву, — катер вы поведете. Пойдите переоденьтесь.

Молодой штурман бросился в свою каюту.

Катер повел Нетаев. «Петушок» буксировал второй кунгас с грузом, который ни в коем случае нельзя было подмочить. Там были продукты и радиоаппаратура.

— А молодец этот штурманок, — говорил мне вечером капитан, — не дал кунгасу перевернуться. Нетаеву можно доверять.

Я радовался за своего приятеля.

Капитан стал читать только что полученную радиogramму. Лицо его, обычно мягкое, добродушное, тотчас изменилось.

— Ну, вот... Я их берег всю навигацию. Теперь отдавай!

Оказывается, он получил приказ идти к Устью и передать там кунгасы какому-то незадачливому капитану, растерявшему свои плавсредства во время шторма.

Рейс «Седова» заканчивался. На Диком он должен был получить новые кунгасы.

Ворча и вздыхая, капитан отправился к Устью.

На следующий день ранним утром мы с волнением разглядывали материк.

Состоялась передача кунгасов.

— Скажите им, — приказал капитан Нетаеву, — что мы уходим на север. Второй раз кунгасы оттуда будет трудно доставить.

Нетаев все это передал в точности. По его словам, старший помощник незадачливого капитана чувствовал себя при этом неважно.

Корабль «Георгий Седов» направился к острову Дикому.

Знакомая нам бухта. Справа скалистый остров, суровый и неприветливый, в россыпи камней. На нем несколько двухэтажных домов, вышка ветряка с хлопотливо вертящимися крыльями и огромная мачта.

На материке — по левую руку — тоже двухэтажные дома, расположенные амфитеатром. У причала корабли. Названий не разберешь.

Борис Ефимович по всем правилам встал на рейд. Причал в порту предназначался «Седову». Однако какой-то пароход совершенно незаконно, как уверял Борис Ефимович, прошмыгнул к причалу и занял наше место.

Борис Ефимович сидел в каюте. В порту, когда прекращалась качка, когда не слышно было шороха трущихся о борт льдин, капитан был неузнаваем. Он растерянно сказал своему старшему помощнику, чтобы тот как-нибудь «уладил портовые дела». Сам он трудился над рейсовым донесением, кряхтел и все советовался со мной, как написать ту или иную фразу.

Потом, нарядившись в парадную форму, Борис Ефимович с мученическим видом съехал на берег. Отправился с официальными визитами к портовому начальству.

Другие капитаны завладели и местами у причалов, и погрузочными средствами. Наш капитан вернулся с берега, ничего не добившись.

— Тут его надо подменять, — шепнул мне старший помощник капитана, молодой человек, еще недавно плававший на военных кораблях.

Старпом вернулся, все уладив. Борис Ефимович был очень доволен и ехать на берег еще раз категорически отказался.

На острове Диком я встретился с местным старожилом Панченко, седым полярником, бывшим матросом. Он провел меня в радиоцентр и показал знаменитую книгу, хранителем которой он здесь считался. В старой конторской книге с толстым переплетом были собраны автографы многих путешественников.

— Тут замечательные записи есть, — с гордостью говорил он мне. — Вот, например, в тысяча девятьсот восемнадцатом году написано по-норвежски: «Уверен, что в этой прекрасной бухте будут стоять на рейде десятки кораблей. Руал Амундсен». Известный полярник был. Он Южный

полюс открыл, а через Северный путь ему пройти не удалось. Его «Мод» три года шла по Северному морскому пути. Два раза пришлось зимовать. Радиogramмы в ту пору пешком ходили. Чтобы дать о себе знать, пришлось ему послать двух матросов на Дикий. Один из них погиб. Другой совсем немного не дошел до нас, тоже замерз. Его могила в порту, возле новых домов. А вот Нансен — тот прямо говорил: «Северный морской путь — иллюзия, чаровавшая исследователей в течение веков». Ничего себе «иллюзия»! У нас на Диком капитаны из-за причалов дерутся.

Панченко раздраженно указал мне на стенную карту:

— Иллюзии иностранных мореплавателей! Русские здесь не иллюзиями занимались. И совершенно напрасно, по-моему, не стерты до сих пор всякие нерусские названия с этой карты. Вот, например, Земля Франца-Иосифа. Случайно наткнулись на нее австрияки, когда их корабль безнадежно в дрейфующие льды вмерз. А что Земля эта существует, задолго до них знаменитый русский ученый Кропоткин указал. Так же и с многими другими землями. Вот посмотрите. — Панченко подвел меня к окну. — Видите? Это гидрографическое судно «Норд». Я вам расскажу, какое на этом судне открытие сделали.

От радиста я услышал интереснейшую историю.

По тундре шел человек.

Высокий и сильный, он не сгибался под тяжестью заплечного мешка, не чувствовал и ружья, висевшего на правом плече стволом вниз, чтобы легче было вскинуть.

Одет он был в ватную куртку и такие же штаны, заправленные в ичиги, кожа которых ссыхается прямо на ноге, принимая ее форму. В такой обуви можно пройти сотни километров и никогда не сбить ног.

Человек внимательно оглядывал тундру. Привлекали его холмы, северный скат которых был еще покрыт снегом. Подходя к белым пятнам, он внимательно вглядывался в них, иногда раскапывал снег. Засохшая прошлогодняя растительность особенно интересовала его.

Однако, убедившись, что это всего лишь трава, он равнодушно отправлялся дальше.

Увидев вдали оленей, он сворачивал к ним. Видимо, искал встречи с людьми.

Ненцы интересовались одиноким путником.

— Золото ищешь? — спрашивали они.

— Нет, не золото, — отвечал человек. — Скажите, не слышали ли вы... Находили здесь прежде огромных животных, вмерзших в землю? На бугре, скажем, снег подтаял, а под ним — странная такая трава, волокнистая. длинная... Это шерсть тех животных. Они давно на земле жили, все вымерли.

— Зачем тебе старый животный? Возьми у нас оленя.

Молодой ученый качал головой. Сняв шапку, он привычным движением проводил ладонью по длинным светлым волосам и продолжал выспрашивать о загадочных древних животных.

Ненцы удивлялись.

— Станный какой! Не охотник. Нет, не охотник! Не геолог. Нет, не геолог, тот камни ищет... Зачем тебе дохлый животный?

Были старики, которые помнили об огромных тушах, найденных в слое вечной мерзлоты.

— Песцы ели... ничего... У нас голод был... Мы тоже ели. Ничего мясо. Олень лучше.

Но это было давно. Туши найденных мамонтов не сохранились.

Молодой ученый продолжал свой путь по тундре.

Однажды старик ненец, до того морщинистый, что даже узкие глаза его походили на морщины, сказал ему:

— Плыви на остров Ледяной. Тут недалеко бот стоит, он тебя возьмет. Там во льду что-то видно. Какая-то туша. Я сам видел. Не знаю что.

Ученый тотчас отправился в бухту, где стоял гидрографический бот, и представился капитану:

— Аспирант Академии наук Александр Львович Низовский. Поставил себе задачу найти сохранившегося в вечной мерзлоте мамонта... Тушу мамонта, — поправился молодой человек.

Капитан погладил свою холеную черную бороду. Ему понравился молодой ученый. Можно будет подойти вместе с ним к Ледяному.

Остров оказался «молодым», был он покрыт льдом, поверх которого образовался земной покров. Острову не было и тысячи лет.

С юга берег оттаивал, там и обнажился старый материковый лед.

Капитан дал ученому шлюпку и нескольких матросов.

Через месяц Александр Львович Низовский появился на острове Диком. Он был необычайно взволнован и предложил прочесть полярникам лекцию о сделанном им на острове Ледяном открытии.

В столовую радицентра собрались все свободные от смены полярники. На катере прибыли рабочие из порта. Народу набилось столько, что лектор едва протиснулся к своему месту.

Ученый рассказывал, как подошла их шлюпка к зеленоватой ледяной стене, над которой виднелся песчаный обрыв.

— Это и был обнажившийся лед, — говорил Низовский. — Море вгрызалось в него, подтачивало снизу.

Я первый заметил ледяную пещеру с нависшим сводом, образовавшуюся у самой воды, и указал на нее матросам.

Волны прибоя разбивались в пещере, наполняя ее пеной и брызгами.

Будь прибой сильнее, нам никогда не удалось бы проникнуть в пещеру и увидеть в ней что-нибудь. На наше счастье, было сравнительно тихо. Светило яркое солнце.

Мы осторожно вошли на шлюпке в пещеру. Солнечные лучи проходили через лед, и свод казался светящимся.

Я стал вглядываться. Как и объяснял мне старик ненец, сквозь освещенную солнцем толщу льда действительно можно было заметить какое-то темное пятно. Я попросил подъехать возможно ближе к этому пятну.

«Тут что-то торчит белое...» — указал мне один из матросов.

Мы подгребли к ледяной стене.

Из льда торчал изогнутый белый ствол... может быть вмерзший в лед плавник?

Шлюпка подошла вплотную. Держась за холодную, ледяную стену, я перебирал по ней руками по мере движения шлюпки.

Наконец я ухватился рукой за выступавший изо льда ствол и похолодел от волнения. Сомнений быть не могло: клык!

Из льда торчал желтоватый, изогнутый, покрытый чуть потрескавшейся коркой бивень мамонта!

Вглядываясь в толщу льда, я отчетливо видел темное пятно. Оно не могло быть ничем иным, как сохранившейся тушей мамонта, клык которого я ощущал под своей ладонью.

Мамонт на острове Ледяном, на острове, который образовался лишь несколько столетий назад! Это же опровергает все существовавшие гипотезы о времени вымирания мамонтов!

Я везу теперь это сенсационное сообщение!

Мне трудно сдержать себя и не открыть вам свою заветную мечту! Сейчас я чувствую себя ближе к осуществлению ее, чем когда-либо.

За несколько сот лет в Сибири не произошло каких-либо коренных изменений, которые могли бы вызвать ускоренное вымирание мамонтов. Если мамонт был жив несколько сот лет тому назад, то нет никаких оснований утверждать, что он не может жить и сейчас!..

По залу пронесся общий вздох. Кое-кто поднялся со своего места, чтобы лучше видеть смелого ученого.

— Да, да! — продолжал Низовский. — Север Сибири еще слишком мало исследован. Есть часть тундры, есть горные кряжи, где не бывала нога человека. Именно там и надо искать еще живущих мамонтов. И я уверен, что мы найдем живых мамонтов! Я уже предвижу создание мамонтового заповедника на Севере. Будут приняты меры к увеличению поголовья мамонтового стада...

Лектор был прерван аплодисментами.

Чуть расширив свои светлые глаза, он продолжал:

— Мы увидимся с вами на будущий год. На пароходе-холодильнике, годном для перевозки туши мамонта, я вернусь сюда со специальной экспедицией. Мы извлечем из льда острова Ледяного мамонта и... И отправимся на поиски других мамонтов, живых мамонтов. И мы найдем их!

Лекция имела небывалый успех. Многие полярники изъявили желание сопровождать Низовского в предстоящей экспедиции.

Моряки с одного из стоящих на рейде кораблей, слушавшие лекцию, рассказали о ней всему экипажу, и корабль, сделав небольшой крюк, завернул к острову Ледяному. Моряки побывали в описанной Низовским пещере и своими глазами видели торчащий из льда клык. Темного пятна во льду они увидеть не могли, потому что солнце было скрыто тучами.

Следующим летом в бухте острова Дикого бросил якорь гидрографический бот «Норд». На нем и приплыл аспирант Низовский, мечтавший о корабле-холодильнике для перевозки туши мамонта.

Вместе с Низовским прибыл академик Бондарев.

Афанасий Васильевич Бондарев был низенький старик с седыми волосами и седой короткой, но обнимающей все лицо бородой. Нрава он был ворчливого. Низовский был очень недоволен, потому что старик категорически воспротивился снаряжению парохода-холодильника.

— Вы не доверяете мне! — возмущался Низовский.

Академик возражал:

— Мамонт, если он действительно есть, а я в этом сомневаюсь, пролежит еще год. Надо сначала убедиться, что это мамонт.

Низовский готов был обрушить на старика поток красноречия, а потом повернуться и уйти из кабинета академика, хлопнув дверью. Но вместо всего этого, опустив голову, он тихо проговорил:

— Я буду рад сопутствовать вам, Афанасий Васильевич.

— Да уж, конечно, сопутствовать придется, не отвертитесь, голубчик...

Академик знал еще отца Низовского, который погиб во время ленинградской блокады, и очень уважал его. К Александру Львовичу он

относился строго, но внимательно. Его смелых гипотез о живых мамонтах не разделял и, больше того, осуждал его за публичные высказывания.

Гидрографический бот «Норд» получил задание наряду с другими исследованиями посетить остров Ледяной.

«Норд» бросил якорь с юга от острова. Капитан бота долго разглядывал берег в бинокль.

— На шлюпке идти нельзя, — сказал он. — Прибой слишком силен.

Расстроенный Низовский расхаживал по палубе.

Его раздражала медлительная осторожность капитана и ворчливое спокойствие академика, усевшегося играть в шахматы с капитаном. Играть в шахматы, когда корабль стоял в виду острова, сохранившего в толще льда мамонта!

«Несомненно, мамонт попал на остров зимой, когда море было сковано льдом, — размышлял Низовский. — И, не найдя здесь пищи, погиб. Его тушу занесло снегом, который не растаял в холодное лето. В следующую зиму снегу нанесло еще больше. Под давлением верхних слоев и под влиянием летнего оттаивания слежавшийся снег постепенно превращался в лед, слой которого все увеличивался».

Расхаживая по палубе, Низовский уже видел себя докладывающим на сессии Академии наук.

По его мнению, туша мамонта оказалась замороженной в лед.

В ледовитых морях происходит периодическое опускание и поднятие островов.

Покрытый льдом остров опустился, и морские волны занесли ледяную поверхность песком, который предохранил лед от таяния.

В последние годы остров был снова приподнят над поверхностью моря. Волны смыли с берега прикрывавший лед песок. Под влиянием общего потепления Арктики лед стал оттаивать. Таким образом и обнаружилось место, где когда-то упал погибший мамонт.

Низовский шел в свою тесную каютку и принимался лихорадочно писать. Еще в этом году он защитит диссертацию, получит звание

кандидата. В следующих экспедициях он сможет обходиться без опеки ворчливого старика, который не хочет верить очевидности.

Низовский представлял себя исследующим какой-нибудь северный горный хребет. Там, в долине, защищенной со всех сторон от ветров, питаясь скудной северной растительностью, живут гигантские мохнатые животные, напоминающие слонов. На одной из скал будет устроен наблюдательный пункт с телескопами. Туристы, прилетающие на горный аэродром, смогут наблюдать своими глазами жизнь диких доисторических животных. Может быть, удастся перевезти один из экземпляров в Москву в зоопарк...

Низовский мысленно читал дощечку с надписью:

«Мамонт. Считался вымершим доисторическим животным. Привезен в зоопарк из долины... из долины Низовского».

Молодой ученый выходил на палубу и вглядывался в скучные очертания острова. Его освещенная ледяная стена казалась не изумрудно-зеленоватой, как в прошлый раз, а серой. Внизу виднелась белая кромка прибоя.

Низовский проклинал прибой.

Неделю простоял бот вблизи острова Ледяного. Капитан уже поговаривал о необходимости отправиться в другое место и на обратном пути зайти сюда. Низовский был в отчаянии. К счастью, академик заупрямился. Не веря в существование мамонта, он все же не желал отойти от острова Ледяного.

На следующий день прибой утих.

На катере и двух шлюпках ученые, сопровождавшие их рабочие и добровольно вызвавшиеся помогать моряки отправились к ледяной пещере.

Низовский и академик сидели в моторном катере. Они первыми подошли к ледяному обрыву.

— Какая жалость, что нет солнца, — сокрушался Низовский. — Я боюсь, что мы не увидим темного пятна туши мамонта.

— Клык-то, надеюсь, будет виден и без солнца, — проворчал Афанасий Васильевич.

— Конечно! — отозвался Низовский и, обращаясь к второму штурману, сидевшему у руля, скомандовал: — Держите вдоль правой стенки, убавьте ход. Самый тихий! Я буду перебирать руками по стене.

Без солнца в пещере было сумрачно. Низовский с волнением всматривался в полумрак. Вдруг клык исчез? Но этого не может быть. Клык был прочно вморожен в лед. Но вода за год могла растопить лед... Почему он не постарался в прошлый раз вырубить клык из льда? Какая непростительная оплошность... Но ведь он хотел достать непременно всего мамонта, не отделяя от него даже клыка.

— Вот он! Вижу! — крикнул матрос с носа катера.

Мотор звонко постукивал. Низовский готов был поверить, что это стучит его сердце.

— Стоп!

Мотор заглох. Катер, шелестя бортом о лед, едва двигался вперед.

— Бивень! — торжественно воскликнул Низовский.

— Бивень? — переспросил академик, поднимаясь во весь рост.

Он дотянулся до торчащего из льда белого ствола и ощупал его. Потом стал рассматривать со всех сторон.

— И в самом деле, бивень... — озадаченно произнес он. — Это даже странно.

— Я же вам докладывал, Афанасий Васильевич, — начал было Низовский, но старик махнул на него рукой.

Низовский замолчал. В пещере было тихо. Слышалось легкое плескание воды и далекие голоса из подходивших к ледяному гроту шлюпок.

— Мамонтова кость, — заключил академик. — Странно... не может быть!

— Так ведь вот она! Вот! — торжествующе повторял Низовский.

Свод и стены ледяной пещеры засветились.

— Солнце! Солнце! Какое счастье! — крикнул Низовский. — Смотрите... вот сюда смотрите! Вы видите темное пятно?

Моряки, рабочие, ученые — все вперили взоры в ледяной монолит.

Темное расплывчатое пятно было теперь отчетливо видно. Воображение придавало ему самые фантастические формы.

— Он, должно быть, на боку лежит, — заметил матрос.

— Ясно, на боку... Не на спину же лапками кверху ляжет, — сказал рабочий.

— Чего же вы ждете? — заторопился академик. — Скорее обкалывайте лед, освобождайте клык! Где кирка? Где лом? Я тоже помогать буду.

Низовский схватил лом, но не отдал его старику. Он сам обрушивал сокрушительные удары на ледяную стену. Осколки льда стучали по борту катера. Несколько человек с ожесточением рубили многовековой лед.

— Осторожнее, не повредите клыка. Оставляйте на нем слой льда, — распоряжался Афанасий Васильевич, толкаясь среди рабочих и мешая им.

— Шевелится... шевелится клык, — сказал один из рабочих.

— Как шевелится? — почти в ужасе переспросил Низовский.

— Если раскачивать, — пояснил рабочий.

Академик ухватился за конец клыка и стал раскачивать. Клык подался. Еще несколько ударов ломом...

— Давай сюда, давай!.. Теперь тяни. Бери на себя! — увлеченно командовал старик.

Через минуту огромный изогнутый клык, едва поместившись в катере, лежал на его дне.

— Как жаль, что его пришлось отделить от туши, — сокрушенно сказал Низовский.

— А вот мы его сейчас рассмотрим. Скалывайте лед, скалывайте!

Подшли две отставшие шлюпки. По указанию Низовского рабочие стали расширять и углублять отверстие, из которого был вынут клык.

— Странно, очень странно, — бормотал академик, рассматривая гигантскую кость. Несомненно, мамонтова кость... Но вот почему она так тщательно опилена?

— Как опилена? — поразился Низовский.

— А вот, не угодно ли?

Молодой ученый склонился над костью, которую постепенно освобождали от льда. Когда лед был удален с конца бивня, все могли убедиться, что кость тщательно опилена каким-то инструментом.

— Ничего не понимаю... — прошептал молодой ученый.

— Любопытно, очень любопытно! — бормотал старик, склоняясь над клыком. — Тем любопытнее, что ваш мамонт, молодой человек, очевидно, был ручным. Он позволял делать резцом изображения на своих клыках. Вот, не угодно ли?

Вне себя от изумления Низовский рассматривал клык, на котором у опиленного основания была резьба. Отчетливо можно было разобрать затейливую вязь.

Тяжело дыша, Низовский встал с колен и сел на скамью.

— Что же это? Что же это такое? — спрашивал он старика.

— Любопытно, очень любопытно, — сказал тот.

— Давайте рубить! Давайте рубить лед! — предложил Низовский. — Мы должны открыть тайну темного пятна... Если это не мамонт, то что же это такое?

— Что ж... это будет любопытно, — согласился академик. Говорил он как бы нехотя, все продолжая разглядывать клык с резьбой. — А ведь он был к чему-то прикреплен. Смотрите, на нем даже канавки сделаны.

— К чему же он мог быть прикреплен? — поразился Низовский.

— Ну, например, к носу ладьи или коча... как еще в древности называли челны.

— К носу челна?

Находку доставили на корабль.

Двое суток во льду прокладывался ход к таинственному темному пятну.

Низовский не выходил из пещеры.

Афанасий Васильевич не съезжал больше на берег, сидел в каюте капитана и играл с ним в шахматы; злополучный клык лежал тут же на полу.

Вахтенный помощник капитана постучал в дверь.

— Войдите, — разрешил капитан, поглаживая свою роскошную бороду.

— Катер идет от берега.

— Не вовремя, — заметил капитан.

— Я потому и доложил.

Бросив незаконченную партию, академик вышел на палубу.

Катер подошел к борту. В нем стоял Низовский. Он что-то кричал академику, но разобрать слов было нельзя.

Наконец он поднялся по штурмтрапу.

— Афанасий Васильевич! — закричал он, едва его голова поднялась над палубой. — Это оказалась туша...

— Туша кита? — перегнувшись через реллинги, спросил старик.

— Откуда вы знаете?

— Конечно, туша кита, — сказал старик и пошел в каюту доигрывать партию. — Я так и знал, что это туша кита, — говорил академик капитану. — Вам шах... Теперь вашему королю не поздоровится. Думаю, что бот может отправляться в свой дальнейший путь.

— Простите, Афанасий Васильевич, сейчас мой ход, — сказал капитан. — Чем же объясняете появление клыка на острове?

— Китобои. Древние китобои! Очевидно, они украсили клыком нос своего корабля или челна...

— Сдаюсь, — сказал капитан. — Я пойду распоряжусь о снятии с якоря.

Проходя мимо Низовского, капитан погладил бороду, улыбнулся и, не удержавшись, сказал:

— Вот тебе и живой мамонт!

Низовский покраснел.

Сославшись на головную боль, он ушел в свою каюту и заперся в ней. Напрасно капитан стучался к нему. Низовский не открывал. Не вышел он на палубу, даже услышав, что на корабле поднялся шум. Низовский подумал: это бот снимается с якоря, покидая остров Ледяной.

Но на самом деле шум поднялся, когда с острова прибыли на шлюпках матросы и рабочие. Они сообщили, что обнаружили за тушей кита... сруб.

Академик забыл обо всем на свете, даже о существовании своего молодого помощника. Он поспешно спустился в моторный катер и потребовал как можно скорее доставить его в пещеру.

Как это часто бывает с молодыми людьми, Низовский от огорчения уснул.

На рассвете кто-то забарабанил в его дверь. Ничего не понимая, он вскочил с койки и открыл каюту.

— Спите, батенька мой, спите? — угрожающе начал академик.

Низовский юркнул на койку и прикрылся одеялом.

— Не угодно ли полюбоваться, что вы нашли, аспирант Низовский? — все так же угрожающе продолжал Афанасий Васильевич.

Встревоженный Низовский смотрел, как академик торжественно положил ему на одеяло колчан и стрелы.

Низовский протер глаза.

— Сруб обнаружили, — улыбнулся академик. — Понимаете, за китом-то сруб оказался, — словно по секрету сказал Афанасий Васильевич и вдруг громко вскрикнул: — А вот это! Вы только поглядите на это! — Старик, прищурившись, уставился на Низовского. Выждав мгновение, он положил ему на ладонь несколько кусочков металла неровной формы. Словно зубилом вырублены, не правда ли? — допрашивал он. — А? Ну, то-то... Именно вырублены! Потому и рубль называется... Это действительно рубленные монеты!

— Монеты? — вскричал Низовский, соскакивая с койки и подхватывая упавшие было колчан и стрелы. — Монеты? Каких же времен?

— Времен Дмитрия Донского, голубчик! Дмитрия Донского... Куликовская битва, батенька!..

— Да это почище живого мамонта! — взволновался молодой человек. Узнав эту историю, я не удержался и отправился на бот «Норд».

Я видел и академика Бондарева и Низовского. Они показывали мне чудесные находки, я держал в своих руках древние русские монеты, найденные на арктическом острове.

Академик, поглаживая бороду, говорил серьезно, чуть косясь на своего молодого помощника:

— Александр Львович сделал на острове Ледяном открытие особой важности. Его находки доказывают, что русские много сотен лет назад бывали в Арктике, открыли ее, охотились здесь на китов, вели торговлю, имели что-то вроде факторий. Тут исконная наша земля. — И академик посмотрел в круглый иллюминатор, через который виднелся низкий берег и суровое, свинцовое море. — Поднимать буду через Географическое общество вопрос. Давно пора стирать с арктических карт лишние иностранные имена. Не мало полярных земель и в Антарктике и в Арктике открыты нами, русскими... Это исконные наши места.

Я простился с учеными.

— А как же мамонты? — спросил я тихо Низовского.

— Я все равно буду их искать, — также тихо ответил мне Низовский.

Но старик обладал тонким слухом. Он улыбнулся и сказал:

— Он найдет, непременно найдет. Он специально для этого к вам на «Георгия Седова» перебирается. Хочет проверить, не забрался ли какой шалопай мамонт на Холодную Землю.

Мне было приятно, что знакомство с Низовским не кончается.

Ученые проводили меня до трапа.